

Владимир
МАЛЯВИН

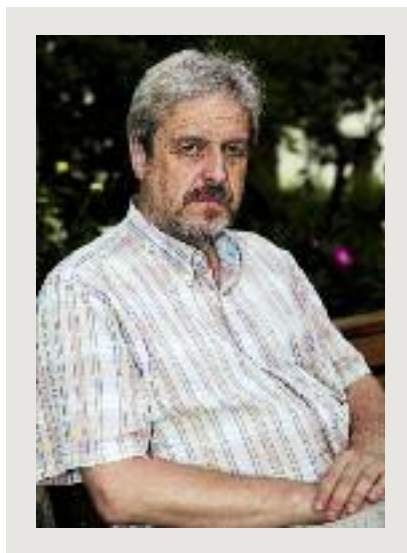
Официальная позиция. Тайвань – провинция Китая, его жители – составная часть «единого многонационального китайского народа», включающего в себя всё население Китая и даже китайскую диаспору

ВОКРУГ ТАЙВАНЬСКОГО ПРОЛИВА: цивилизационные разломы и сближения

Цель нижеследующих заметок – способствовать определению посылок для анализа одного необычного в мировой практике типа отношений, именуемых на языке дипломатических эвфемизмов «отношениями между двумя сторонами Тайваньского пролива». Для удобства изложения я поочередно представляю ситуацию такой, какой она видится с разных сторон этого пролива. В обоих случаях нужно различать официальную позицию и реальную политику, основанную на мотивах и расчетах, не декларируемых открыто. Вторая часть заметок посвящена перспективам развития этих отношений.

Позиция КНР

Официальная позиция. Тайвань – провинция Китая, его жители – составная часть «единого многонационального китайского народа», включающего в себя всё население

Владимир Вячеславович Малявин – доктор исторических наук, профессор Тамканского университета (Тайвань), научный руководитель Института исследований развивающихся рынков Московской школы управления СКОЛКОВО

Китая и даже китайскую диаспору. Надо учитывать, что под покровом унифицированной государственно-

сти и культуры властной элиты в Китае бурлит многокрасочный океан народной жизни, в значительной степени саморегулирующийся. Это побуждает и отчасти даже вынуждает китайское правительство признавать своеобразие локальных укладов и предлагать Тайваню строить отношения на основе принципа, уже опробованного на Гонконге и Макао – «одно государство – две системы». Важно уяснить мировоззренческие корни этой позиции. В конечном счете они кроются в символической коммуникации, в идее некоего прикровенного, неформального «мы», которое удостоверяется ритуальной практикой – подлинной основой китайской цивилизации. Ритуал исключает прямые и прозрачные договоренности между равноправными индивидами. Он утверждает различия между его участниками ради их неопределенного, но прочного единства, некоей аморфной «совместности», причем иерархически организованной. Он воспитывает обостренное чувство момента – и, следо-

вательно, многообразия жизни. Соответственно, власть КПК стоит на утверждении не единства нации на основе какого-либо трансцендентного принципа, а именно различий: с одной стороны, отличия Китая от прочих цивилизаций, с другой – на разделении управляющих и управляемых внутри государства, по сути – «сознательных» элементов, то есть способных превзойти свои субъективные интересы, и «несознательных» элементов, неспособных побороть личную корысть. Китайская Поднебесная – это всегда «другой мир», но этот мир регулируется неформальными, недоступными ни обоснованию, ни опровержению нормами, которые нельзя обсуждать публично. В формуле Дэн Сяопина: «В строительстве социализма есть китайская специфика», – первая половина – идеологическое украшение, а действительна в ней как раз «китайская специфика». Если правда ритуала – «неутаимая тайна», то и власть КПК – тайна, неопределимый избыток (именно: из-быточность) бытия, *arcana imperii* в новом издании. Заметим, что определить сущность различия невозможно, его можно только постулировать. Власть не несет ответственности перед обществом, и само упоминание о ней фактически табуировано. Нигде в Китае не увидишь и не услышишь, что все решения там принимаются верхушкой КПК.

Между тем в различии, доведенном до предела, уже ничего не различается. Вездесущее различие утверждает всеобщую самотождественность в бесконечном разнообразии жизни. Власть в политической культуре Китая и есть не что иное, как исключительное право использовать этот предел всех различий, утверждать универсальность исключительного. Эта власть никого не касается, но остается общей для всех. Она предваряет все мнения и потому не подлежит критике.

Неофициальная позиция. В прошлом власти КНР охотно разыгрывали карту угрозы военного вторжения. Ввиду контрпродуктивности этого приема в эру «мирного подъема Китая», а также желательности привлечения тайваньского капитала в последние десятилетия ставка

В формуле **Дэн Сяопина** (на фото): «В строительстве социализма есть китайская специфика», – первая половина – идеологическое украшение, а действительна в ней как раз «китайская специфика»

сотрудничества с КНР на Тайване ослабевал страх перед китайской угрозой и усиливались антикитайские настроения. Правда, власти КНР вполне способны применить в отношении Тайваня – однако лишь в известной степени – неформальные экономические санкции в наказание за «неправильный» политический курс, что сейчас и происходит.

Проблема пекинского правительства заключается даже не в неумении или нежелании укреплять дружбу с Тайванем помимо редких протокольных мероприятий, а в том, что принципы китайского политического режима делают невозмож-

делалась на развитие экономических и культурных связей между Тайванем и континентом и привязывание Тайваня к экономике КНР. Но за фасадом лозунга «единого Китая» у правительства КНР нет ни внятной стратегии, ни действенных способов влияния на Тайвань. Результат: параллельно с ростом

В прошлом власти КНР охотно разыгрывали карту угрозы военного вторжения. Ввиду контрпродуктивности этого приема в эру «мирного подъема Китая», а также желательности привлечения тайваньского капитала в последние десятилетия ставка делалась на развитие экономических и культурных связей между Тайванем и континентом и привязывание Тайваня к экономике КНР

→ ными отношения между суверенными индивидами или государствами вне иерархии и ритуально-имперской таинственности. В любой системе отношений китайский дракон обречен быть «другим» – непрозрачным и непонятым для партнеров – и притом претендовать на роль старшего. Он может подчинить Тайвань или в лучшем случае поглотить его, не переваривая, но не может установить с ним ясные договоренности, не отказываясь от того, что делает его Китаем – Средним, или Небесным царством.

Позиция Тайваня

Официальная позиция. Отношение политического класса Тайваня к континентальному Китаю двойственно в силу принципиальной раздвоенности тайваньского сознания. Этой раздвоенности, кстати сказать, Тайвань обязан за появление на острове устойчивой демократии. Следовательно, ему будет очень трудно – если вообще возможно – от нее избавиться.

Позиция Гоминьдана сводится к тому, чтобы Тайвань был признан каким-то «другим», «свободным» Китаем, что в принципе согласуется с мировоззренческими установками китайской цивилизации (вспомним лозунг «одно государство – две системы»). Правда, подобная сублимация ритуальной «инаковости» едва ли поддается переводу на язык идеологии. Еще в начале 90-х годов тогдашний президент Китайской Республики на Тайване Ли Дэньхуэй назвал тайваньцев «жизненной общностью». Эта формула позволяет Тайваню не беспокоиться о своей идентичности и сразу перепрыгнуть в глобальный мир, где национальные и государственные суверенитеты уже не будут иметь первостепенного значения. Правда, такая возможность остается отдаленной перспективой.

Позиция Демократической прогрессивной партии, недавно вернувшейся к власти, состоит в преодолении «колониального прошлого» острова и форсировании строительства тайваньской нации. Лидеры ДПП предпочитают говорить об «общности судьбы» и единстве нации по крови. Они стремятся «учредить» нацию. Про-

Еще в начале 90-х годов тогдашний президент Китайской Республики на Тайване **Ли Дэньхуэй** (на фото) назвал тайваньцев «жизненной общностью».

Эта формула позволяет Тайваню не беспокоиться о своей идентичности и сразу перепрыгнуть в глобальный мир, где национальные и государственные суверенитеты уже не будут иметь первостепенного значения

грамма простая и понятная, но в этнически пестром и уже сильно глобализированном тайваньском обществе наталкивающаяся на множество препятствий, а главное, не согласующаяся с культуроцентризмом китайской цивилизации. Попытки учредить нацию посредством изменения конституции или других законодательных актов закончились быстрым провалом. Последняя надежда радикального крыла ДПП – ввязаться в «освободительную» войну с КНР без надежды на международное признание. Перспектива для тайваньцев – людей, в подавляющем большинстве прагматичных, безыдейных и воспитанных в духе ритуальной вежливости, – совершенно неприемлемая.

Идеологи ДПП совершают логическую ошибку всех националистов: они видят в «опыте» и

«духе» Тайваня только те черты, которые им нравятся, а потом объявляют их доказательством собственной правоты. Трудности учреждения тайваньской нации породили популярное представление о Тайване как «сироте Азии» (выражение тайваньского писателя У Чжюлю). Сирота лишен генеалогии и семейного воспитания, в нем «играет» генетический материал – первоэлементы человеческой природы. В этом смысле тайваньская демократия, как ни странно, обнажает истоки китайской цивилизации и соответствует доимперской эпохе китайской истории – временам «соперничества ста школ». В

контексте китайской традиции смысл и ценность существования Тайваня хорошо обозначены приписываемым Конфуцию изречением: «Если ритуал утерян, ищите его среди дикарей». Иными словами, тайваньская демократия способна выявить доимперские корни китайской цивилизации, но это же обстоятельство ограничивает ее исторический потенциал. Рано или поздно

встанет вопрос о переходе либо к имперскому строю, либо к переформатированию Китая как Среднего государства в содружество локальных образований – Поднебесный мир.

Удастся ли империи подмять под себя азиатского сироту и, говоря шире, локальные уклады китайского мира вплоть до всемирной сети «китайских кварталов» (чайнатаунов) или подполье сиротства в конце концов опрокинет имперский Вавилон? Исход противостояния предсказать трудно. Возможно, оно завершится компромиссом на основе очень близкой ритуальной практике игровой публичности, пародирования классических образ-

цов, что уже служило в китайской истории эффективным способом разрешения внутренних противоречий в обществе.

Неофициальная позиция. И Гоминьдану, и ДПП остается следовать естественному течению жизни, хотя и с разными целями. Нынешний Гоминьдан, имеющий мало общего с партией времен Чан Кайши, хотел бы растворить все идеологические и политические противоречия в «жизненной общности» быта, чтобы потом стать равноправным членом глобального сообщества. Но его курс на сближение с континентальным Китаем наталкивается на всё более упорное сопротивление в тайваньском обществе, причем

преимущественно среди молодежи. ДПП кропотливо, без лишнего шума сеет семена национализма, но ее попытки учредить нацию сдерживаются целым рядом факторов, не в последнюю очередь – теми самыми демократическими институтами и курсом на глобализацию, которые партия решительно отстаивает. В целом обеим партиям приходится полагаться на незримую работу «крота истории» в надежде, что когда-нибудь «или эмир умрет, или ишак сдохнет». Отсюда относительная устойчивость демократии на Тайване – надо сказать, неожиданная для западных наблюдателей.

Тайваньский вопрос на качелях истории

Демократизация современного Тайваня – явление так называемой третьей демократической волны, для которой характерны требование полной, или абсолютной, демократии и вместе с тем осознание недостижимости этой цели. Считается, что власть в демократии эпохи постмодерна становится «пустым местом» (Клод Лефорт), что ее субъект никогда не совпадает с наличным населением (Жак Рансьер) и что социум конституируется собственной «инаковостью» (Жан-Люк Нанси, Джорджо Агамбен). Тайвань служит яркой иллюстрацией такого положения. Тайваньская политика имеет демонстрационный или, можно сказать, медийный и фиктивный характер, причем слово «медийный» надо понимать в двух присутствующих ему смыслах: как среду массовой коммуникации и как способ всеобщего посредования, преобразования смыслов. Лозунги дружбы с Китаем или независимости Тайваня активно используются в агитации только во время предвыборных кампаний. После выборов о них благополучно забывают, а жизнь возвращается в свое неопределенно-усредненное русло. Более того, жители острова прекрасно понимают, что ни тот ни другой лозунг неосуществим на практике. Речь идет, в сущности, о виртуальных установках, выполняющих, скорее, психотерапевтическую функцию снятия фантомных болей государства-призрака, именуемого Китайской Республикой. При этом позиции «двух берегов Тайваньского пролива» строго асимметричны: КНР стре- ➔

Лидеры ДПП предпочитают говорить об «общности судьбы» и единстве нации по крови.

Они стремятся «учредить» нацию, но в этнически пестром и уже сильно глобализованном тайваньском обществе эта программа наталкивается на множество препятствий, а главное, не согласуется с культуроцентризмом китайской цивилизации

→ мится исподволь опустить небесные эмпиреи Срединной империи в гущу земной эмпирии, а Тайвань хотел бы возвести действительность повседневной жизни в национальную или глобалистскую идею.

При всей недоступности такого положения вещей «рациональному обсуждению» оно может продлиться неопределенно долго просто потому, что наилучшим образом устраивает всех, включая международное сообщество. Обоим «берегам пролива» достаточно не переходить всем известные красные линии: Тайвань не должен провозглашать независимость, КНР не должна прибегать к военной силе. А «непонимание» чего бы то ни было обитателей Азии не смущает. Они к нему приучены и с ним преспокойно живут.

Подобный расклад, конечно, имеет свою историческую динамику. Приход к власти ДПП в 2000 году был следствием усталости от пассивной позиции Гоминьдана и веры в хорошие перспективы самостоятельности – если не формальной независимости – Тайваня на международной арене. Крах ДПП в 2008 году стал, помимо прочего, результатом явственно обозначившейся экономической бесперспективности курса этой партии. Вернувшийся тогда к власти Гоминьдан использовал возможность развития связей с КНР без ущемления реальной самостоятельности острова (хотя оппозиция не уставала обвинять гоминьдановского президента Ма Инцзю в готовности «продать Тайвань»). Почти исчез страх перед КНР, и это, как ни странно, сыграло на руку ДПП. Последняя вернулась к власти в 2016 году как раз благодаря успехам ее политического противника: новый президент Цай Инвэнь утверждала, что сохранит «отношения доверия» с КНР, не поступаясь суверенитетом Тайваня. Однако, как и полтора десятилетия тому назад, такая позиция не принесла позитивных результатов. «Отношения между двумя сторонами Тайваньского пролива» значительно ухудшились, экономика острова впала в стагна-

Обложка книги У Чжолю «Сирота Азии»

Трудности учреждения тайваньской нации породили популярное представление о Тайване как «сироте Азии» (выражение тайваньского писателя У Чжолю). Сирота лишен генеалогии и семейного воспитания, в нем «играет» генетический материал – первоэлементы человеческой природы

цию, правительство Цай Инвэнь крайне пассивно и стремительно теряет популярность. Лозунг независимости Тайваня по-прежнему имеет в большей степени виртуальное значение. Опросы показывают, что не менее трех четвертей молодых жителей острова хотят жить в независимом государстве, а вот защищать свою независимость с оружием в руках, хотя бы на словах, готовы не более 20 процентов.

В настоящее время обе ведущие политические партии Тайваня находятся в глубоком кризисе. Для дальнейшего развития отношений между Тайванем и континентальным Китаем требуются неординарные, прорывные решения.

От соперничества к синергии

Вообще говоря, есть два способа решения проблемы: разделить ее на мелкие части и разбираться с ними поочередно или наоборот ввести ее в контекст более широкой проблематики. В геополитическом плане благодатным поприщем для второго способа разрешения конфликтов является «большое пространство» Евразийского континента, но также – *mutatis mutandis* – простор Тихого океана, крупнейшей акватории на планете.

Современные международные отношения в рамках этих мегарегионов удобно рассматривать и оценивать в свете принципа, еще плохо осмысленного применительно к международным делам, – принципа синергии. Последнюю часто называют порядком организации или, точнее,

самоорганизации сложных систем самой разной природы – от хаоса микромира до живого тела. Этимологически термин «синергия», строго говоря, означает содействие, сотрудничество, но он получил самостоятельную жизнь, вероятно, вследствие того, что в отличие от сотрудничества относится к связям и отношениям, лежащим за пределами сознательной рефлексии и плохо поддающимся рациональному упорядочиванию. Принято также считать, что синергия обозначает общий эффект взаимодействия различных сил, который превосходит их простую сумму. В этом смысле синергия является почти синонимом творческой деятельности.

Выдвинутый Китаем грандиозный проект «одного пояса и одного пути» наилучшим образом соответствует принципу синергии в межгосударственных отношениях. Он касается гигантского и политически аморфного пространства, которое охватывает очень разные по размерам, степени развития и культурному укладу страны и не предполагает создания каких-либо политических блоков. В то же время Китай настаивает на том, что участие в этих проектах будет добровольным и выгодным для всех задействованных в них субъектов, которые при этом

останутся полностью равноправными. Ситуация в своем роде идеальная для синергетического взаимодействия.

При всей новизне этого подхода для теории международных отношений он имеет давние корни в китайской традиции. Уже в древней летописи «Цзо чжуань» зафиксирован принцип «быть вместе, не создавая союзов». В даосском каноне «Дао-Дэ цзин» мы находим идею взаимовыгодных отношений между «большим» и «малым» государствами на основе церемонной любезности без господства первого над вторым. Такой подход, выдержанный в духе принципа синергии, способен снять остроту противостояния КНР и Тайваня и даже способствовать их неявному, неформальному сотрудничеству. Тихоокеанский регион имеет ряд особенностей, которые не позволяют подойти к нему с позиции теории и практики международных отношений, выработанных в рамках континентальных пространств. Он состоит из множества островных государств – разнородных, изолированных и в большой степени зависящих от иностранной помощи. Уже в силу их географической удаленности от континентальных держав, не говоря уже о социальном и политическом противодействии на местах, создание прочных связей между отдельными островными государствами и их потенциальными континентальными патронами оказалось невозможным. Тем не менее потребность в иностранных инвестициях и различного рода помощи со стороны крупнейших держав Азиатско-Тихоокеанского региона – США, Австралии, Японии, Китая, даже России – остается необходимым условием устойчивого развития Океании.

Превращение Китая в могущественную экономическую, политическую и отчасти даже военную силу в этом регионе окончательно закрыло перспективу оформления квазиколеониальных связей и привело к переформатированию геополитической ситуации в этом регионе.

Интерес Китая к акватории Тихого океана объясняется уже его неоспоримым положением региональной державы. Этот интерес подогре-

Председатель Гоминьдана Хун Сючжу

Нынешний Гоминьдан, имеющий мало общего с партией времен Чан Кайши, хотел бы растворить все идеологические и политические противоречия в «жизненной общности» быта, чтобы потом стать равноправным членом глобального сообщества

вается целым рядом факторов: наличием в большинстве островных государств Азиатско-Тихоокеанского региона общин этнических китайцев, возможностью за небольшую плату обеспечить дополнительные голоса в свою поддержку в ООН (характерное для китайского менталитета стремление не пренебрегать даже маленькой выгодой), интересами военно-стратегическими (например, обладание станциями радиолокации и спутникового слежения), потребностью в использовании природных ресурсов океана и т. д.

Для Тайваня как берегового форпоста Китая Азиатско-Тихоокеанский регион объективно имеет еще большее значение – как хозяйственное, так и политическое. Здесь вылавливается большая часть поступающей на рынок Тайваня и соседних стран рыбы, добываются нужные Тайваню полезные ископаемые и даже имеются тайваньские радиолокационные станции. Есть и

еще одно важное обстоятельство, касающееся формирования собственно тайваньской идентичности: чтобы дистанцироваться от континентального Китая, Тайвань охотно позиционирует себя именно как тихоокеанское государство и использует аборигенное население острова как повод для того, чтобы подчеркнуть свое этнокультурное родство с жителями Меланезии. На протяжении 2000–2008 годов, когда у власти была националистически настроенная Демократическая прогрессивная партия, одним из лозунгов правительства было «построение океанической нации» (этот лозунг удачно совмещал также стремление к встраиванию Тайваня в глобальный мир). Придя к власти в 2008

году, президент от Гоминьдана Ма Инцзю также объявил приоритетом своей политики «осуществление голубой революции и процветание благодаря океану». И после того, как ДПП вернулась к власти в 2016 году, правительство провозгласило одной из основ своей экономической стратегии «новую политику движения на Юг».

Долгое время отношения между Тайванем и КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе имели характер открытого соперничества, порождавшего так называемую дипломатию чековых книжек: Тайбэй и Пекин старались попросту купить расположение правительств островных государств. Некоторые острова, словно крепости на войне, по несколько раз переходили «из рук в руки». Перелом наступил после избрания президентом Тайваня Ма Инцзю, настроенного на смягчение отношений и расширение сотрудничества с КНР. Тайваньское правительство прекратило войну чековых книжек и перешло к политике гласного и адресного оказания помощи в соответствии с объективными потребностями островных государств и необходимостью охраны природных ресурсов. По словам официальных представителей Тайваня, новая политика Тайбэя в отношении островных государств Азиатско-Тихоокеанского региона заключается в «совместном экономическом процветании и оказании практической помощи странам в →

→ вопросах возобновляемой энергии, профессионального обучения, медицинского обслуживания и защиты поголовья тунца».

Новая политика Тайваня способствовала разрядке напряженности в районе Тайваньского пролива и оказала благотворное воздействие на ситуацию в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. Со своей стороны, правительство КНР значительно смягчило позицию по отношению к Тайваню. Накануне встречи китайского руководителя с главами государств Азиатско-Тихоокеанского региона в ноябре 2014 года оно даже сделало беспрецедентное заявление о том, что готово сотрудничать с шестью государствами региона, поддерживающими дипломатические связи с Тайванем. Пестрое и аморфное сообщество Азиатско-Тихоокеанского региона является благоприятным поприщем для неформального – в идеале синергетического – сотрудничества между КНР и Тайванем еще и потому, что оно является очень подходящим для применения уже опробованного в отношениях между этими странами практического правила – «сначала легкое, потом трудное».

Можно предположить, что тайваньско-китайская синергия будет выгодна и для обеих сторон, и для Азиатско-Тихоокеанского региона в целом, поскольку она, во-первых, позволит и Китаю, и Тайваню укрепить свои связи с государствами региона, во-вторых, упрочит доверие между Тайванем и КНР, в-третьих, повысит качество и эффективность по-

---

Тайвань и КНР выступили единым фронтом в споре с Японией о принадлежности островов Сэнкаку (кит. Дяоюйдао) (на фото), пусть даже Тайвань был вовлечен в этот спор помимо его воли. В свете нынешнего высокого уровня доверия между Тайванем и КНР уже не кажется невозможным будущее сотрудничество этих стран в реализации различных проектов

Новый президент Цай Инвэнь (на фото) утверждала, что сохранит «отношения доверия» с КНР, не поступаясь суверенитетом Тайваня. Однако, как и полтора десятилетия тому назад, такая позиция не принесла позитивных результатов

мощи, которую КНР и Тайвань оказывают островным государствам. Успешное развитие этих отношений, несомненно, будет способствовать трансформации идентичности как Тайваня, так и Китая, усилению в обеих странах глобалистского компонента, что представляется особенно выигрышным для Тайваня.

Надо заметить, что «две стороны Тайваньского пролива» уже достигли высокого уровня взаимного доверия по многим практическим вопросам безопасности. Тайвань и КНР выступили единым фронтом в споре с Японией о принадлежности островов Сэнкаку (кит. Дяоюйдао), пусть даже Тайвань был вовлечен в этот спор помимо его воли. В свете нынешнего высокого уровня доверия между Тайванем и КНР уже не кажется невозможным будущее сотрудничество этих стран в реализации различных проектов гуманитарной помощи, координации планов развития, использовании природных ресурсов Тихого океана, разработке новых видов энергетики, укреплении береговой линии, совершенствовании образовательных программ и тренингов. Подобное сотрудничество легче всего вести силами различных НПО и

агентств. Оно может стать основой для запуска более масштабных проектов и устойчивых форм сотрудничества на государственном уровне.

Конечно, на «океаническом» просторе Азиатско-Тихоокеанского региона возможны разные сценарии развития. После возвращения к власти ДПП в 2016 году в отношениях Тайваня и КНР наступило неизбежное охлаждение, длительность и масштабы которого сегодня невозможно предсказать. Синергетическое взаимодействие требует от обеих сторон определенных уступок, и неясно, как далеко Пекин и Тайбэй готовы пойти в этом направлении. Скорее всего растущая мощь Китая втянет в его орбиту некоторых из нынешних союзников Тайваня. Но возможность использовать «океанскую пустоту» для укрепления взаимного доверия между Тайванем и КНР и устойчивого развития островных государств региона будет существовать всегда, а перспектива преобразовать соперничество в совместное обеспечение безопасности никогда не утратит привлекательности. А главное, различие в силе и уровне жизни государств не является помехой именно для отношений на началах синергии.

Можно с уверенностью сказать, что Китай уже нащупал пути и фор-

Выдвинутый Китаем грандиозный проект «одного пояса и одного пути» (на карте) наилучшим образом соответствует принципу синергии в межгосударственных отношениях. Он касается гигантского и политически аморфного пространства, которое охватывает очень разные по размерам, степени развития и культурному укладу страны и не предполагает создания каких-либо политических блоков

мы своей экспансии как на «великой суше» к западу, так и на «великом море» к востоку, и эта экспансия не будет иметь колониальный характер, присущий политике западных держав. Она не приведет к созданию новых блоков и к очередному расколу мира. Но она будет по-своему универсальной и всемирной хотя бы потому, что в ее рамках достижение доверия в одном звене отношений моментально скажется и на других аспектах международного положения. Синергии свойственно аккумулировать синергетический эффект и распространяться со всевозрастающей скоростью.

Описанная динамика международных отношений открывает перспективу формирования геополитической общности, которую можно условно назвать Восточноазиатским Содружеством. В рамках последнего отдельные культурно-исторические регионы Большого Китая и даже сопредельные страны могут обладать почти полной самостоятельностью, но строить отношения между собой как части единого культурно-политического образования. Появление такого Содружества позволит обеспечить стабильность и безопасность в этом

стратегически важном ареале земного шара. Со временем это Содружество может охватить также Южную и Центральную Азию и даже Россию. Бросается в глаза сходство международной обстановки в Тихоокеанском и Центральноазиатском регионах. В сердцевине Евразийского континента мы видим конгломерат разнородных, неспособных к созданию прочных политических союзов государств, причем эта территория является ареной интенсивного взаимодействия нескольких крупных держав – России, Китая, США и отчасти даже Евросоюза. И в этом регионе приверженность принципу синергии предполагает использование всех возможностей для развития сотрудничества, прозрачности политического курса отдельных государств при соблюдении суверенитета каждого участника политического процесса. Это будет способствовать созданию атмосферы доверия и взаимного уважения, что в свою очередь послужит основой для более крупных совместных проектов. Разумеется, принцип синергии имеет не меньшее значение и для внутренней ситуации в России – стране огромных и очень неоднородных в хозяйственном и культурном отношениях пространств. **■**

